

Надо ли обучать осуждённых к лишению свободы?

А. ЯКОВЛЕВ

Школа при исправительной колонии г. Мелеуза в Башкирии существует более полувека. На территории зоны строгого режима. Я стал в ней работать в 2004 г., имея десятилетний опыт учительства в обычной школе. Разницу почувствовал сразу. Первое впечатление было, что это другая планета с иной формой разума. «Семьдесят процентов сжечь, остальных отпустить». Это ученик сказал. Многие из осуждённых прекрасно сознают собственную ненормальность, и многих сей факт ничуть не тревожит. Слишком далеко они ушли по своей дорожке.

Таких злых и ни во что не верящих взрослых людей сидит в классе двадцать с лишним человек. Никакой охраны, вопреки имеющим хождения слухам, нет. Есть только тревожная кнопка. Как вы понимаете, это совсем иная педагогическая реальность. Как-то раз наши ученики, пока учитель открывал кабинет, успели изрезать ему пиджак со спины в мелкую лапшу. Часты случаи вспышек гнева, поводом к которому может быть просто «не тот» взгляд.

Учебная мотивация строится исключительно на личных отношениях. Я ещё застал педагогов, проработавших в этой школе 30 лет и более. Опыт уникальный, но никем и никогда не учтённый. Поначалу я просто внимательно слушал старших коллег. Со временем пришёл к необходимости записывать наблюдения, мысли и выводы. Просто для себя, ибо никому это не было нужно.

Хочу поделиться с читателями этими наблюдениями, мыслями и выводами. Для удобства буду их нумеровать.

1. Да какие ээки? – спросит иной. – На нормальных детей денег не хватает! И он будет прав. Как прав и тот, кто выступает против создания пи-

томников для бездомных животных. Но если сегодня мы откажемся от заботы о них, то завтра будем умерщвлять психически больных, и пошло-поехало. Вы знаете: так уже было.

Моё убеждение: **необходимо создание специальных учебников для вечерних школ при исправительных учреждениях** – и это не прихоть, а настоятельная необходимость. В этой статье я буду говорить конкретно об учебнике истории, потому что преподаю именно этот предмет.

2. Только в 2012 г. в одной Башкирии из числа всех осуждённых обучались в школах более 2 000 человек. Всего среди осуждённых и заключённых не имеют образования около 50 000. Из них не умеют читать и писать примерно 5%.

3. Лишение какой-либо группы граждан естественных прав чревато, в конечном счёте, подобным поворотом событий для всех граждан. Заключённый не лишён гражданских прав. Мировой опыт, на который так любят ссылаться в наше время, отрицает подобную практику и настаивает на расширении возможностей для нравственного, интеллектуального и профессионального развития находящихся в заключении.

4. Отсутствие образования и навыков мышления как раз и является одним из «благоприятных» условий для вовлечения человека в преступную деятельность.

5. Лишение заключённых возможности получить образование и профессию укрепляет идеологию преступного мира, предоставляет ему мощный мотив противозаконной деятельности, окружив его членом ореолом борцов за правду, борцов с политическим режимом.

6. Законы нравственности и морали не могут быть избирательными,

они едины для всех. «Книжники же и фарисеи роптали и говорили ученикам Его: зачем вы едите и пьёте с мытарями и грешниками? Иисус же сказал им в ответ: не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Евангелие от Луки, гл. 5, ст. 30–31).

7. Если место заключения является своеобразной «кузницей кадров» криминального мира, то школа, просто фактом своего существования, становится спасательным кругом и одновременно барьером, ограждающим от тлетворного влияния агрессивной среды. Это та самая соломинка для утопающего.

**Условия обучения
и особенности учеников в местах
лишения свободы, которые
необходимо учесть при создании
специального учебника истории**

1. Собственно, условий особых нет. Осуждённых уже наказали, а не пощрили.

В Уголовно-исполнительном кодексе (УИК) есть ст. 112, согласно которой лица, не имеющие образования, до 30 лет обязаны его получить, а если они старше, то по желанию. Занимается этим в администрации колонии воспитательный отдел. В рамках, так сказать, ресоциализации. Надо заметить, что в нашей колонии воспитательный отдел плотно работает со школой.

Одним из признаков правового государства является широкий набор прав и свобод и механизм защиты этих прав. Именно механизма-то и нет. Право на получение образования в местах лишения свободы закреплено и в Законе «Об образовании», и в УИК, и в Типовом положении для вечерних (сменных) общеобразовательных школ, но они требуют доработки. А школа живёт по локальным актам и приказам Учредителя. Вот тут всё и начинается. Представляете себе отчёт по качеству успеваемости, горячему питанию, количеству посадочных мест в туалетах в исправительном учреждении? Регламентирующие доку-

менты ничем не отличаются от тех, которые приходят в дневные школы. Очень это мешает работать! И ученики наши особенные. В этих условиях вообще регламентировать что-либо сложно. А оценивать качество работы учителя можно, пожалуй, единственно по степени внимания учеников. Да и то не всегда. Если ученику в столовой опять дали позапрошлогоднюю капусту, а он ещё не успел попить чаю, да письмо не пришло... Минут десять понадобится только на умиротворение. А ведь это нарушение правил.

Ученики в массе своей не просто малообразованны – они скорее невежественны. А так как по большей части (в школах при колониях и тюрьмах) это люди от 18 лет и старше, т.е. уже сложившиеся как личность, то их невежество носит укрепившийся, мировоззренческий характер. Узость мысли и нравственная ограниченность у них плотно взаимосвязаны. У Игоря Губермана описан характерный разговор в поезде, когда он ехал в места заключения. Собеседник его – отсидевший много лет – заявил автору: «Неплохой ты мужик, Мироныч, но если не перестанешь постоянно говорить "спасибо" и "пожалуйста", то до зоны ты не доедешь». Для того, параллельного мира они воспитаны и образованы достаточно. Это с нашей точки зрения они нуждаются в воспитании и образовании. Проявляться же невежество может самым неожиданным образом у вполне, казалось бы, эрудированного ученика. Растлевающая умственно и нравственно атмосфера мест заключения просто не даёт закрепляться ничему живому.

Был у меня один неглупый и начитанный ученик, отличник, так во время обсуждения взрыва башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке он заявил, что полностью поддерживает террористов: «Они молодцы».

Изначальное неверие в доброту, в мир знаний и открытий заставляет их искать тёмную подноготную во всём. Зачем ему, в самом деле, название столицы Греции, если из своих 26 лет он находился на свободе 7 месяцев?

Для того чтобы оправдать собственный образ жизни, достаточно знать, что все цари были мерзавцами, Америка – воплощённое зло, а церковь создана деньги делать. Да ещё, не дай Бог, книжонка попадет не та пытливному такому... Он ведь от скуки изучит её до последней буквы. Мир эка конкретен, и абстрактные категории не имеют для него ни ценности, ни смысла. Но способность к образному восприятию есть: ещё В.Т. Шаламов отмечал яркость образов «блатной музыки». Однако эта способность избирательна. При делении десяти на десять у него будет ноль. И только пример с десятью пачками сигарет, поделёнными между десятью людьми, позволяет получить правильный ответ. Потому вся мотивация человеческой деятельности у него сводится к корысти, а расположение материков нужно знать ракетчикам.

2. Следует также иметь в виду наличие выходцев из бывших республик СССР, не умеющих читать и писать. Здесь надо забыть о своём предмете, дать такому ученику тетрадь для начальных классов, и пусть работает. Правда, любая проверка отметит это нарушение...

3. Как правило, наши ученики утратили навыки обучения вследствие большого (от 2 лет) перерыва в обучении.

4. Значительное количество учеников, имеющих аттестаты об окончании обучения в определённых классах, в действительности только числились в школе, но её не посещали. Это ведь дети 90-х, когда учителя бежали из школ, особенно в глухих уголках. Школам надо было набирать комплект, а сделать с таким учеником ничего нельзя. Ведь реальных средств воздействия на него нет. А родители такие, что «мама дорогая». По числу заключённых Россия лидирует в мире (около 800 заключённых на 100 тысяч населения). 30% осуждённых в исправительных колониях и 70% в воспитательных не имеют основного общего образования, а около 700 человек обучаются в 1–4-м классах.

5. Внутренний «духовный» мир обитателей мест заключения основан на байках и мифах, назначение которых состоит в оправдании собственного асоциального образа жизни. Потому Иван Грозный – безусловно положительная личность, поскольку «его таким сделали»; миром правят масоны – об этом даже по телевизору говорят. Слова учителя «за добро» не действуют: ведь это его работа.

6. Крайне слабо наши ученики владеют письменной речью. Человек, например, вполне внятно говорит, но вот письменно построить осмысленную фразу не может. Какое-то время я недоумевал: ведь апелляции (грамотные, чёткие) пишут все. Оказалось, в каждом отряде есть образованный человек, который пишет за всех. Некоторые не понимают написанное, даже учебный текст не понимают! И как в этом случае проводить письменную работу? Гораздо разумнее оказалась работа с тестами. Письменная же форма ответа применяется только для желающих.

7. Отмечу неразвитое произвольное внимание таких учеников, неумение длительное время сосредотачиваться на чём-то одном. Здесь необходимо создать благоприятную для умственной работы атмосферу. И единого подхода не может быть. Специфика предмета, личностные особенности, возраст, одежда и манера поведения, даже наличие/отсутствие семьи у преподавателя – всё имеет значение. Отцы-основатели наши, В.А. Никитин и В.П. Немчинов, приучили осуждённых к ежедневной, нудной, рутинной работе, сродни тому как заново учат ходить. Приучили так, что ученики сами разбирали тетради и учебники, помнили, какую задачу они делали, какую страницу читали и т.д. Этому способствовали возраст педагогов, их уверенные манеры, умение ставить задачу и добиваться её решения.

8. Незавершённые возрастные новообразования – ещё одна особенность. Как личность многие формировались в колониях для малолетних, где условия существования ещё

хуже, чем во взрослых колониях. Жестокость там царит невероятная.

9. Примерно 40% наших учеников имеют различного рода психические отклонения, довольно велико число наркоманов.

10. В характерах присутствуют крайний индивидуализм и эгоцентризм, что препятствует коллективным формам работы.

11. У наших школьников нет возможности выполнять домашние задания, потому что учебники и тетради выдаются им только на урок.

12. Ученики вечерней школы при колонии заняты работой на производстве, часто недосыпают, пропускают занятия.

Основная цель обучения осуждённых – не образование, а ресоциализация, и школа при исправительной колонии является одним из инструментов для этого. По моему глубочайшему убеждению, стратегия пенитенциарной педагогики должна строиться на высказанном С.В. Познышевым положении, что нравственное исправление – это «не превращение порочного человека в добродетельного, что недостижимо посредством наказания, а лишь некоторое изменение к лучшему психической конституции наказуемого, его характера, достаточное для предупреждения рецидива». Недаром многие из заключённых при анонимном опросе определяют власть и государство в целом как насилие, а режим – как тоталитарный.

Разумеется, в этих условиях проживания не могут развиваться всякого рода отклонения: и низменные побуждения, и презрение к людям (потому что они овцы, а я буду волком), и ощущение враждебности людей и мира, и зависть, и уверенность в собственной свободе от морали, и комплексы, и легковерие, и дурной вкус.

13. Опасность превращения школы в «курсы повышения квалификации» актуализирует просветительские задачи. Преступник-интеллектуал в сотни раз опаснее, чем «неуч». Школа – как прививка, как навыки гигиены,

пусть и запоздалые. Навыки логического анализа, обработки большого массива информации, знания по социологии и психологии нельзя прививать асоциальной личности. Гораздо полезнее работа по развитию эмпатии и сопереживания. Изучаться могут бытовая жизнь обычных людей в разные эпохи, этнографические сведения, представления о религиозных учениях, общие сведения о мире, письмо и счёт.

Из чего исходить в создании специального учебника истории?

Главная задача школы в данной ситуации – не образование, а просвещение как своего рода гигиена: нравственная, этическая и эстетическая. Изложу в виде тезисов свои мысли по этому поводу.

1. Учебник должен быть единым, включающим модули по всеобщей истории и по истории России. Темы – логически взаимосвязанными. В конце каждого модуля нужно помещать задания для проведения зачёта, выстроенные по образцу ЕГЭ.

2. В начале года обязательно должны быть темы (2–3 урока) на повторение, поскольку перерыв в учёбе составляет от 2 лет и более. В 7-м классе необходимы темы по истории Древнего мира и Средних веков.

3. Объём текста параграфа не должен занимать более 3 страниц. Урок длится максимум 40 мин., но реальная работа занимает 25–30 мин., из них работа с текстом составляет 10–15 мин.

4. Домашние задания не предполагаются, только вопросы на размышление.

5. На каждый параграф нужны 1–3 иллюстрации, включая карты, портреты и схемы.

6. На полях или по ходу текста обязательно нужно объяснять новые слова и понятия либо включить их в отдельный словарик.

7. Наличие схем в таких сложных для восприятия темах, как «Государственное устройство» (по образцу по-

собия «Отечественная история в схемах и таблицах» В.В. Кириллова. – М. : Эксмо, 2010).

8. Учебник должен включать максимум 65 параграфов. Структура параграфа примерно такая: 1) характеристика правителя: детство, воспитание, окружение, наклонности, любимые игры; 2) государственное устройство, территория; 3) национальный и социальный состав, религия; 4) экономика; 5) положение страны в целом: достижения и проблемы (старые и новые); 6) направления внутренней и внешней политики.

9. Поскольку курс синхронно-параллельный, то материал нужно давать блочно. При этом желательно на первых уроках каждого блока излагать общую характеристику государственного устройства стран на данном этапе как следствие объективного хода истории.

10. Содержание учебного материала должно передавать суть событий: их причины, ход, результат, последствия. Таким образом, сокращается количество дат и терминов при сохранении наиболее существенных, особенно при изучении сложных тем (революционные события, гражданские войны и т.д.).

11. Для 7-го класса курс истории целесообразнее организовать как пропедевтический. Обычно 7–8-й классы состоят из только что прибывших учеников, которые пришли в школу после длительного перерыва.

12. Отсутствие прямой дидактики, явного нравовучения. При анализе событий нравственный подход может быть, например, таков: при изучении темы «Вторая мировая война» акцент следует сделать не на позорной капитуляции Франции, а на разном понимании патриотизма Петеном и де Голлем.

13. Шрифт крупный, 14 кегль.

14. Язык и стиль изложения для всех учебников, включая старшие классы, должен быть максимально приближен к восприятию ребёнка или недалёкого человека. Предложения простые, короткие, с однозначным смыслом.

15. Никакой обнаженной природы, даже в виде фотографий заключённых Освенцима.

Практика показала эффективность применения в работе с нашими учениками методов коррекционной школы. Надо всегда представлять, что они больны, в первую очередь нравственно. И тогда, возможно, будет достигнут положительный результат. Подчёркиваю: возможно. Нельзя забывать, что главная цель их обучения – восстановление навыков жизни в обществе.

Поневоле задумаешься, а стоит ли на осуждённых тратить время и деньги? И статистика по рецидиву страшная... Но есть и иные цифры: закончившие в местах заключения школы совершают новые преступления примерно в 2 раза реже.

Значит, можно работать. Более того, нужно! Только надо обладать квалификацией, терпением, доброжелательностью и гибкостью ума. Урок может «вильнуть» в любую сторону, затронуть детали из иной области. А ещё нужна настоящая демократичность в общении. И не напускная. А ещё искренность и честность. Всё то же, что требуется от учителя школы «на воле», только больше.

В заключение не могу не процитировать Ф.М. Достоевского: «Арестант сам знает, что он арестант, отверженец, и знает своё место перед начальником; но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что он человек. А так как он действительно человек, то, следственно, и надо с ним обращаться по-человечески. Боже мой! Да человеческое обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ Божий. С этими-то "несчастными" и надо обращаться наиболее по-человечески. Это спасение и радость их» (Записки из мёртвого дома. – М. : Сов. Россия, 1983, с. 145).

Александр Яковлев – учитель истории вечерней школы при колонии, г. Мелеуз, Республика Башкортостан.